

ДВА КЛАДБИЩА

Каждый день я иду мимо кладбища.
Там звенят соловьи переливами,
Там зевают озябшие ландыши,
Пахнет снегом и мокрой крапивою.
Не гони меня, Чистый, нечистую,
Тех камней могу не касаться я.
Белым светом исходит неистово,
Осыпаясь под ветром, акация.
Все печали оплаканы, розданы
Все долги, и отбыты повинности.
И такая в пронзительном воздухе
Жизнь клубится, что страшно не вынести.

Я с другого пришла сюда кладбища —
Мира офисов, ставших могилами.

Из вселенной, где пальцы по клавишам
Пляшут так, словно плачут над милыми.
Где изящно подвязаны галстучки,
Безупречные, как репутации,
Где и любят, и губят для галочки,
Для портфолио и презентации.
Для отчёта на маленьком брифинге,
Где секундна длина выступления,
Где со взглядом скучающей пифии
Смерть ведёт протоколы Правления.

Там с душой не позволено нянчиться:
Тихо дома сиди, малолетняя.
Покажи мне, где Жизнь начинается —
Букву первую, букву последнюю...

ЧЕЛОВЕК

Листья падают, дождь ли, снег —
После странствий своих недалних
На земле лежит человек,
Тих, как шёпот в исповедалне.

И покуда его душа,
Рея рядышком, воздух морщит,
Мухи ползают не спеша
По спине и штанам намокшим.

Неприкаян и невесом,
Он ладонь подложил под щёку
И таинственный смотрит сон
Так, как дети глядят сквозь щёлку.

Словно в бурю хочет поймать
Письма моря из всех бутылок.
А ведь тоже когда-то мать
Целовала его в затылок,

Ненаглядным звала сверчком,
Шила крошечные одёжки;
Пахли мёдом и молоком
Щёчки, пяточки, лоб, ладошки.

Листья, ливни ли, смех ли, снег...
Милый, дорог ли ты кому-то?
Это падает человек
Каждый день и в любую минуту.

* * *

И те, кто говорил, мол, голод и чума,
И те, кто под водой увидел терема,
И возгласившие, что мир сошёл с ума, —
Все были правы и неправы.
Мир не сходил с ума, не изменял пути.
Одни рождали ложь: спастись и пасти,
Другие, семена надежд держа в горсти,
Ложились в травы.

Сменялся князем князь, а после — царь царём,
Был посрамлён пророк в отечестве своём,
Не раз гремел над мужиками гром,
Но летопись не знала строк неровных.
Как навсегда завязанный сюжет,
Схлестнулись Челубей и Пересвет,
И, раненный в живот, ушёл поэт,
Простив виновных.

И те, кто говорит, кто скажет после нас,
Мол, тот ли, этот царь от гибели упас,
Щитом отвёл стрелу, и минул грозный час —
За то ему и слава, —
Те тоже вдруг поймут, что этот час грядёт,
Что вот уже он здесь, у внутренних ворот,
Но тихо, тихо как... Безмолвствует народ,
И немые травы.

АВГУСТ

Деревья держат звёзды крепко-крепко —
Им не с руки бросаться серебром.
Луна созрела. Вытянули репку,
Четыре дня тянули всем двором.

Цветёт цикорий — сердце в синей раме,
Бесстрашным корнем в холод уходя,
И пахнет август астрами, кострами —
Сухим дыханьем ветра и дождя.

* * *

Сквозь лепет веток, спрятавшись за сплетнями
(Здесь лист, как жест, отчётлив и шагренев),
Как девочка одиннадцатилетняя,
Акация завидует сирени:

Как вдохновенно всё её обличье!
Счастливая, повенчанная с ветром...
Как от избытка стати и величия
Она лучится иступлённым светом!

“Так славит Бога всякое дыхание”, —
Цветы сирени вдруг заговорили.
Так слиты в голубом благоухании
Улыбка Евы и печаль Марии...

Акация стоит — глядишь, расплечется,
И пахнет сладко, до галлюцинаций,
Но в куцем золотисто-белом платье
Акации с сиренью не тягаться.

* * *

Я люблю такие души —
Как урочища лесные,
Коим кроны непокорны,
Коим комнаты тесны.

Там по-прежнему на стрежень
Выплывают расписные
Ни минуты не смешные
Остроносые челны.

Там для каждого найдётся
Угол тёплый и зелёный
С хвойной шепчущей опушкой
И подушкой моховой,

Словно бродишь среди сосен
С просветлённой, удивлённой,
Запрокинутой к верхушкам
Лёгкой-лёгкой головой.

Там поют и плещут листья
В соловьином исступленьи,
Пихта мокрыми глазами
Прижимается к звезде,

И, хрустя листом брусничным,
Тонконогие олени
Пробираются неслышно
К замерзающей воде —

Той, которая качает
В тёмной глуби чьи-то лица,
Той, что ластится, струится
В голубых объятьях льда.

Там, омытые печалью,
Твой двойник, моя двойница,
Отражённые случайно,
Остаются навсегда.

* * *

Кошки умеют ходить, лучась,
По тишине нагой,
Зная, когда закончится час
И начнётся другой.

В детстве и я любила стеречь
Свой заповедный клад:
Старых часов ворчливую речь,
Стрелку и циферблат.

И — как на солнце — часам в лицо
Страшно было смотреть.
“Кутаясь в зябкое пальтецо”,
Это глядела смерть.

Может, за окнами падал снег,
Снежная бездна — вся,
Может, кончался двадцатый век,
Проводов не прося.

Сердцу, стоявшему на посту,
Просто б шепнуть: “Не верь!”
Только казалось, что каждый стук —
Именно в нашу дверь.